

Ранее упоминалось о намерении Цзя Чжу взять в свои руки управление родовыми храмовыми землями Цзя в Цзиньлине. Сейчас молодого человека одолевали заботы: кого отправить вместе с Цяньшуаном обустраивать дела на месте? Ведь верному слуге со временем предстояло вернуться в столицу, оставив вместо себя надежного управляющего. Решение пока не шло на ум, но медлить было нельзя. Прежде всего следовало доложить обо всем отцу, Цзя Чжэну, и заручиться его согласием, а уже потом отправляться на совет к господину Цзину в Нинфу. Стоило промедлить — и Цзя Дан воротился бы в Цзиньлин, и тогда передача дел превратилась бы в сущую головную боль. Рассудив так, Цзя Чжу не откладывая поспешил к отцу.

Выслушав сына, Второй господин слегка нахмурился. На его лице отразилось явное недовольство.

— Это дело касается лишь тех сородичей, что живут на нашей исторической родине, — ворчливо отозвался Цзя Чжэн. — Даже если управляющий скончался, им следует выбрать на его место кого-то из местных. С какой стати нам, столичным жителям, обременять себя лишними хлопотами?

— Отец, ваши слова справедливы, — почтительно ответил Цзя Чжу. — Однако сын ваш полагает, что храмовые земли имеют для нашего рода исключительное значение. Сородичи на родине относятся к ним как простые сторожа, не заботясь о разумном ведении хозяйства. Если забросить эти уголья, предки вряд ли простят нам столь небрежное отношение к поминальным обрядам. К тому же, хотя эти земли и предназначены для нужд культа, они остаются частью семейного достояния. Так почему бы не сделать их прибыльными? Роду от этого будет лишь польза.

Разумеется, о самом главном Цзя Чжу умолчал. Он прекрасно понимал: случись худшее — обвинение в преступлении и конфискация имущества, — всех членов клана вышлют на историческую родину. И если тамошние поместья к тому времени придут в упадок, несчастным сородичам попросту негде будет преклонить голову.

Цзя Чжэн почувствовал правоту сына. Однако при одной мысли о том, что придется погружаться в столь приземленные, суетные заботы, у него опускались руки — ведь подобные мирские дела лишь губят тягу к высокому: службе государству, поэзии и живописи.

— Навести там порядок действительно необходимо, — проговорил он. — Но к чему тебе, Чжуэр, в это вмешиваться? Ты еще слишком молод, только-только начал службу в Академии Ханьлинь. Тебе и так едва хватает времени на государственные дела, зачем же отвлекаться на посторонние заботы?

— Отец, вам не о чем беспокоиться, — поспешил успокоить его Цзя Чжу. — Сын не собирается ехать туда лично. Я лишь хочу закрепить за собой право решать эти вопросы, дабы уберечь земли от самоуправства и растрат других сородичей. А для ведения хозяйства на месте я подберу надежного человека.

Лишь после этих слов Цзя Чжэн кивнул в знак согласия и разрешил сыну самому обо всем

договориться с господином Цзином из Нинфу. Добившись своего, Цзя Чжу почтительно откланялся и покинул кабинет отца.

Выйдя из кабинета, Цзя Чжу свернул в узкий проход между внутренними двориками. Он уже собирался направиться в Нинфу, как вдруг заметил на земле изящную вещицу. Наклонившись, он подобрал плетеный шелковый любовный узел «согласие».

Работа была на редкость искусной: тонкие, аккуратные стежки белой шелковой нити плотно оплетали прозрачный аметист в самой середине. Цзя Чжу присмотрелся внимательнее — узор и манера шитья казались знакомыми. Подобным образом вышивала Инхэ, одна из служанок его личных покоев. Поскольку весь его гардероб шили и чинили преданные девушки, прислуживавшие ему много лет, он без труда узнавал почерк каждой из них. Но как вышивка домашней затворницы оказалась здесь, в проходе за Вторыми воротами? Служанкам строго-настрого запрещалось выходить на половину для внешних гостей и слуг. Выходило, узел обронил кто-то из мужчин.

Дело принимало странный оборот: с какой стати вещица Инхэ очутилась у постороннего мужчины? Спрятав находку за пазуху, Цзя Чжу отложил визит в Нинфу и поспешил к себе. Первым делом он вызвал верного слугу Сияня. Показав узел парню, молодой господин велел ему без лишнего шума выведать всё: откуда взялась вещица, кому принадлежала и как здесь оказалась. За верную службу Цзя Чжу посулил щедрую награду. Сиянь почтительно кивнул и тут же отправился выполнять поручение.

Цзя Чжу едва заметно усмехнулся.

«Если чутье меня не обманывает, — подумал он про себя, — скоро я услышу весьма трогательную историю о тайной любви и клятве верности».

Уладив это дело, Цзя Чжу наконец отправился в соседний Нинфу, чтобы обсудить с господином Цзином управление поминальными землями в Цзиньлине. Что касается сородича Цзя Дана, тот пока еще не уехал и гостил в Нинфу.

Цзя Цзин принял племянника в своем кабинете. С тех пор как Цзя Чжу блестяще сдал государственные экзамены и удостоился ученого звания цзиньши, дядя проникся к нему глубоким уважением. Сам будучи цзиньши, старый господин видел в молодом человеке достойного преемника семейных традиций и надежду всего клана Цзя. А потому и встретил он гостя на редкость радушно и ласково.

Узнав, что племянник хлопочет о цзиньлинских поминальных землях, Цзя Цзин выказал полное равнодушие. Он лишь небрежно махнул рукой, обронив, что пока не представляет, кому поручить это неблагодарное дело. Цзя Чжу сразу понял: дядя попросту не желает обременять себя лишними заботами. Столичные вельможи давно свыклись с мыслью, что никогда не вернутся в родные края, а потому всё происходящее на родине предков казалось им далеким и незначительным. Вот почему господин Цзин принимал приехавшего из провинции Цзя Дана столь холодно и безучастно. Но для Цзя Чжу это было только на руку: раз никто не хотел брать

на себя заботы о храмовых землях, прибрать их к рукам окажется куда проще.

— Почтенный дядя, если у вас еще нет подходящего человека, — вкрадчиво заговорил Цзя Чжу, — позвольте вашему никчемному племяннику взять на себя заботы о цзиньлинском храме предков. Мои старшие дядя обременены высокими постами и важными делами, тогда как я пока свободен и не обзавелся серьезными обязанностями. Взяв на себя эти хлопоты, я не только облегчу бремя старших сородичей, но и пройду хорошую школу жизни, наберусь опыта и проверю свои силы.

Цзя Цзин втайне обрадовался: наконец-то нашелся глупец, готовый взвалить на себя эту обузу. Впрочем, судя по уверенному тону Цзя Чжу, тот явно видел в этом деле какую-то выгоду. Как старый господин ни размышлял, он не мог взять в толк, какая корысть может быть в заброшенных провинциальных пашнях.

— А твой отец не против? — с напускным безразличием спросил Цзя Цзин. — Насколько я помню, Второй брат всегда старался держаться подальше от семейных дрызг и клановых дел.

— Перед тем как прийти к вам, дядя, я навестил отца и заручился его благословением, — учтиво ответил Цзя Чжу.

Выслушав его, Цзя Цзин тут же дал свое согласие и велел племяннику напрямую переговорить с Цзя Даном. Цзя Чжу едва сдержал ликование. Вежливо откланявшись, он поспешил уйти.

Цзя Дан доводился Цзя Чжу двоюродным братом, так что они быстро нашли общий язык и общались без лишних церемоний. Молодой человек прямо заявил родственнику, что старый господин Цзин полностью вверил ему заботу об алтаре предков на родине, а потому он прибыл забрать купчие на землю и приходно-расходные книги.

Узнав, что дело наконец сдвинулось с мертвой точки, Цзя Дан вздохнул с облегчением. Свою столичную миссию он почитал исполненной и теперь со спокойной душой намеревался уже сегодня тронуться в обратный путь, в Цзиньлин.

Уладив все формальности, Цзя Чжу воротился к себе. Он велел своим слугам, Жуньби и Чжэн Вэню, собрать для гостя знатные столичные гостинцы, тщательно подготовить всё необходимое для дальней дороги и вручить ему кошель с серебром на путевые расходы. Передавая дары, Цзя Чжу попросил брата об услуге: присмотреть на первых порах за управляющим, которого он вскоре пошлет в Цзиньлин.

Цзя Дан принял подношения с глубокой благодарностью. Он заверил Старшего молодого господина Чжу, что как только тот выберет подходящего человека и отправит его на юг, он встретит его со всем гостеприимством и окажет любую помощь, какую только сможет. На этом разговор их завершился.

<http://bllate.org/book/18221/1768983>